

Валентин Пикуль

Хива, отвори ворота!



Часть сборника
Через тернии – к звездам.
Исторические миниатюры



Через тернии – к звездам

Валентин Пикуль

Хива, отвори ворота!

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Хива, отвори ворота! / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Через тернии – к звездам)

«...Пустыня, казалось, только и ждала, когда русские проникнут в ее пределы... Снегу выпало по колено, а потом грянул мороз в двадцать шесть градусов при жесточайшем ветре. Ночью ездовые лошади опрокинули коновязь и панически умчались вдаль, повинувшись дикому инстинкту спасения. Перовский наказал менять караульных каждый час, но карманные часы были такая редкость (даже у офицеров), что смена караулов была хаотичной. Утром многих часовых потащили в фургоны, там уже зыкали пилы, ампутируя отмороженные руки и ноги...»

Валентин Пикуль

Хива, отвори ворота!

Историческая миниатюра

Хлопок, шелк, виноград, чай... Хлопок завозили с плантаций Америки, шелк покупали у персов, виноград ошипывали в Массандре тонкие пальцы аристократок, а великая мать Россия, придя в субботу из бани, гоняла с блюдца (пальцы врасстопырку) чаи исключительно кяхтинские. Ну, а теперь, когда вступление сделано, приглашаю читателя в Оренбург. Веселого я там ничего не обещаю, но кое-что вспомним...

Кстати уж! Русское казачество расселялось по «кантонам» (как в Швейцарии), и потому о «кантонах» казаки рассуждали свободно:

– Жили мы, потомки стрелецкие, не тужили в кантоне самарском. А когда-сь «линию» нашу закрыли, велено переселяться в кантон оренбургский. Мы, вестимо, отлынивали. Тут тебе дома дедовски, скотинка пасется, трава – хоть ешь ее! Опять же и Волга течет, рыбкою кормит. На што нам сдался кантон оренбургский? Тянули, тянули, да не дотянули... Грозою налетел на нас, царствие ему небесное, граф Перовский! Дал сроку три дни – бац, как из пушки! И на третий дён, чуть свет, бабы даже калачей из печек не вынули, всех нас, грешных, из Самары выставили... Теперь-с попривык. Не спорю. Раздолье имеется. Тока не волжское, а степное. Поначалу-то гадко было. Сушь! Верблюды плюются, нехристи. Да-а... Дети вот – они Волги не видали, им и в Урале-реке хорошо летом брызгаться. Здеся и уродились. Оренбуржцы! Эй, Степанида, поставь самовар ради приятной беседы о житии оренбургском...

Из Оренбурга до столицы три недели пути, если ехать на почтовых: только выносливые фельдъегеря проскакивают до Петербурга за восемь дней – отощавшие от сухоядения, грязные и небритые, и в таком виде, даже не дав им переодеться, их сразу вели в покои к императору: «Ваше величество, вам изволит писать его превосходительство оренбургский губернатор Перовский! Вот и пакет...»

Василий Алексеевич Перовский, внук украинского свинопаса Кирилла Розума, фигура колоритная. В битве при Бородино Перовскому было 18 лет; французская пуля оторвала ему палец, вместо которого он позже носил длинный золотой наперсток. Обманом был взят в плен на московских форпостах. В обозе маршала Даву проделал весь долгий путь отступления «Великой армии» – в одном мундирчике и даже без сапог, которые содрали с него мерзнувшие конвоиры; записки Перовского о пребывании в плену и сейчас невозможно читать без содрогания. Пешком пройдя от Москвы до Орлеана, бежал к своим. 14 декабря 1825 года был «контужен поленом в спину» и стал флигель-адъютантом Николая I (что не делает ему чести). Но, будучи часто награждаем, царя никогда не благодарил (что делает ему честь). В 1828 году под Варной ему вырезали из груди турецкую пулю, увязнувшую близ самого сердца. Образованный человек острого ума, Перовский имел друзей – Жуковского и Карамзина; с Пушкиным был на «ты»; Брюллов дважды изображал его на портретах. Он был честолобив, как и большинство военных людей той эпохи, но славы не искал. При жизни были опубликованы лишь его «Письма из Италии», да и то их напечатал Жуковский, желая сделать другу приятное. Николай I неизменно к Перовскому благоволил. В 1833 году Василий Алексеевич заступил на пост оренбургского губернатора; здесь он принимал в своем доме Пушкина, собиравшего материалы о Пугачеве (Бердская слобода, столица всей Пугачевщины, находилась в семи верстах от Оренбурга). Данилевский вывел Перовского в романе «Сожженная Москва»; Лев Толстой хотел сделать Перовского одним из героев своего незавершенного романа «Декабристы». При засилии в столице Адлербергов, Нессельроде, Бенкендорфов, Дубельтов и Клейнмихелей

такие люди, как Перовский, стремились бежать подальше от холопской камарилы двора, старались служить на окраинах империи...

Оренбург был форпостом – твердынею наших рубежей близ пустыни. Население – казаки с голубыми кушаками «уральцев», башкиры в островерхих шапках, военные, их семьи, переселенцы, чиновники, купцы, беглые, солдаты, ссыльные и преступники. А на «меновом дворе» караван-сарая ложатся в горячую пыль верблюды, проделавшие путь от Самарканда, Бухары, Герата и Хивы; из Оренбурга они увозят полосы железа и меди, ткани и гвозди, посуду и доски. Жизнь тут сытная, мяса и хлеба вдоволь, но зато тревожная: кордоны, пикеты, разъезды вдоль симы – границы, лай собак по ночам, ржанье конницы, улетающей в степные бураны ловить барантчей – разбойников. Кочевник и есть кочевник: ему не вручишь ноту протеста, с ним не подпишешь трактата о мире. Наказывать кочевника за разбой – то же, что бить лакея за провинность его господина. Ибо за все преступления должна бы отвечать высокомерная Хива, но до хивинского хана Алла-Куллы никак не добраться: 1500 верст безжизненных песков стерегли Хиву лучше крепостей, а жара и безводье были главным оружием хана. И Хива богатели от грабежа на караванных тропах, Хива насыщалась трудами пленных рабов, Хива благодарила Аллаха за то, что пустыни оградили ее от мщения «неверных» урусов... Даже когда Россия не воевала, жители Оренбуржья постоянно ощущали близость «фронта», а их семьи оплакивали потери. То здесь, то там слышишь причитания осиротевших – кого-то опять схватили в степи и погнали в Хиву на базар, как скотину. Попробуй сыщи кормильца: из Хивы его продали в Коканд, оттуда – в Турцию, а там и затерялись следы... Тяжко! Недаром оренбуржцы, взлелеяв в сердцах отмщение подлой Хиве, распевали по праздникам:

Мы избавим от неволи
Своих братьев-земляков,
Закричим мы враз «ура» —
Тут погибнет вся Хива...

Петербург отпускал на выкуп из Хивы ежегодно по 3000 рублей чистым золотом, но этого мало: выкупишь кожемяку Ивана Козлятина, а чем, спрашивается, урядник Степан Худояров хуже того Ивашки?.. Перовский не одну ночь провел над изучением путей в Хиву.

– Оренбургу и степям приаральским в покое не бывать, пока не взломаем ворота Хивы и не нанесем визит хану в его же серале. Надобно разрушить вредный миф о недостижимости Хивинского оазиса.

Клин вышибают клином, и Перовский велел не выпускать из Оренбурга хивинские караваны, а на товары хана наложить арест.

– Так будет до тех пор, – сказал он в гневе, – пока хан Алла-Кулла не выпустит из неволи русских людей...

Подействовало! Хан отпустил двадцать пять рабов, и они пришли на родину с караваном бухарцев. Но к обеденному столу, накрытому для них в доме губернатора, трех мучеников несли на руках, столь были измождены, а одному пленнику было уже сто двадцать лет. Коварный хан попросту избавился от рабов, уже истощивших свои силы на хивинской каторге, и Перовский уверился в своем дерзком замысле:

– Хана мы наведем с пушками, а когда солдат российский гаркнет: «Хива, отвори ворота!» – тогда вся история Средней Азии войдет в иное и благородное русло...

Загодя сушили сухари, свеклу, картошку, лук и морковь; на окраине города пыхла паром машина для прессования сена во вячюнные пакеты... Готовились! Но Петербург экспедицию на Хиву не одобрял: министр финансов Канкрин плакался, что нет в казне денег; Нессельроде толковал, что Англия имеет в Средней Азии «свои интересы» и она «может обидеться»; военный министр Чернышев, сиятельный тунеядец, заявлял, что Перовский – фантазер, а его

дружба с поэтами не приведет ни к чему хорошему. Василий Алексеевич велел готовить себе карету, но (верный любви к седлу) он проскакал до самого Петербурга верхом, будто курьер.

На придворном балу к нему подошел Николай I:

– О, Перовский! Ты приехал, наверное, потанцевать?

– Нет! Туркмены, подвластные хану хивинскому, нынче захватили астраханских рыбаков на Каспийском море, взяли четырехпушечный бот с командой, арканами переловили в степи тамбовских баб и мужиков, прибывших к нам на заработки... Доколе же, спрашиваю я, станем мы терпеть злодейства хивинских деспотов?

Первым делом экспедицию строго засекретили. А дорога на Амударью была загадочна, карты сбивчивы, и был неясен главный вопрос: когда выступать – по весне или по осени? Генерал Станислав Циолковский, местный старожил, настаивал на осеннем походе:

– В этом случае мы избежим изнуряющей жары и безводья, ибо, оттаивая снег в пути, мы вполне обеспечим экспедицию водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.